

А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко, В. Н. Вандышев
**ЕЩЁ РАЗ О СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ИДЕАЛАХ,
ИЛИ СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ**

Смех есть не только физиологическое явление, как, например, смех от щекотки или улыбка при физическом удовлетворении, но это и социокультурное явление, регулируемое определенными культурными и общественными процессами и нормами: системой воспитания и образования, юридическими запретами, религиозными установками, общественным мнением и др. Один из основных вопросов, который приходится решать изучающим смех, есть вопрос о нравственных регулятивах смеха: над чем можно и над чем нельзя смеяться с точки зрения нравственности?

В общем виде табу сфокусировано на нравственных идеалах и нормах. Они вне смеха, более того, с позиций данных идеалов и норм (не всегда явно сформулированных) подвергается осмеянию реальность или другие идеалы и нормы, например, прошлой или чужой культуры, признаваемые в этом плане не идеальными и не нормальными. Механизм осмеяния может выражаться в смягчении противостояния идеала и реальности, в сближении, отождествлении или спутывании, а то и в сталкивании их, что высекает искры смеха, в обобщении случайного до уровня нормы и др.

Точку отсчета смехового пространства и времени, где снимаются табу, указал еще Аристотель: смех вызван такой ошибкой и безобразием, которые не угрожают жизни и не вызывают страданий. Однако, нередко осмеянию подвергаются именно опасность и страдание. В этом случае должно существовать реальное или воображаемое пространственное и временное дистанцирование смеющегося от них. «Кладбищенские» анекдоты или юмор «висельников», как и «саdistские» стишки, потому и смешны, что опасность находится в далеком прошлом или будущем и непосредственно не угрожает смеющимся, а то и просто сфантазирована ими. Вряд ли будет соответствовать нормам нравственности смех над человеком, которому угрожает смерть. Смех над пленными врагами перед их уничтожением – скорее проявление патологии, чем нормы (если это не частный случай осмеяния чужой культуры). Кажущимся исключением являются бравады для поддержания духа, когда сами смеющиеся находятся в пограничной ситуации. Однако, их смех есть попытка такого переосмысления реальности, где уже якобы нет опасности или страдания или они дистанцированы.

Требование пространственного и временного дистанцирования распространяется и на другие ситуации, предусмотренные нравственными нормами. Так, смех табуирован во время официальных политических, религиозных и тому подобных ритуалов и церемоний (тем более над ними), потому и называемых серьезными, что исключают смех. Хотя о них существует огромное количество анекдотов, веселых повествований и реальных смешных случаев, рассказываемых в другом месте и в другое время.

Также исключается смех над национальными, политическими, религиозными символами (возможно даже юридическое преследование за их осмеяние или смешное изображение), хотя в особых комических жанрах (при пространственной и временной удаленности) это допустимо. Поднятые до уровня идеала, они очищены от «скверны» смеха. Не случайно ни в христианской литературе, ни в изображениях Христа нет его улыбки и смеха, хотя невозможно вообразить, чтобы Сын Человеческий не смеялся, будучи не раз в самых веселых ситуациях, например на свадьбе в Кане Галилейской.

Кроме того, считается безнравственным смех над честью и достоинством личности, таковой разрешен лишь в специальных жанрах (сатира, карикатура, шарж и др.), да и то при определенных оговорках, например, шарж должен быть дружественным, карикатура – на врага, причем находящегося на безопасном физическом или юридическом расстоянии.

Отечественная литература богата множеством примеров того, как изначально серьёзные вещи обнаруживают своё комическое содержание и, наоборот, сатирические произведения содержат в себе нечто, побуждающее к размышлению. Естественно, в этом тонком деле многое зависит от способности автора привести читателя к восприятию глубинной подоплеку содержания произведения. Одним из ярких свидетельств внутренней запрограммированности читателя на восприятие сатирического содержания, в то время как для автора существенно было как раз здоровое восприятие читателем истинного содержания, является известный герой известного романа-обозрения. Вспомните, очередной градоначальник Прыщ, призвав обывателей, созданного творческим воображением М.Е.Салтыкова-Щедрина города Глупова, сказал им: «Давайте жить мирно. Не трогайте вы меня, а я вас не трону. Сажайте и сейте, ешьте и пейте,

Заводите фабрики и заводы – что же-с! всё это вам же на пользу-с! По мне, даже монументы воздвигайте.» [3, с. 71]. Новый градоначальник не только не издавал законов, он не вмешивался и в их деловую и семейную жизнь. Такое смелое управленческое решение, в духе мудрого китайца Лао Цзы, в течение двух лет совершенно преобразило в лучшую сторону жизнь глуповцев. Вспомните, хлеб и кожи девать некуда было, добра стало больше вчетверо. Приношения щедрые не вмещали амбары и сундуки Прыща, а ассигнации валялись у него на полу. Смешно?! Да, в Прыще есть корявое, гнусное, к тому же фамилия неблагозвучна. Можно сослаться, конечно, как это сделала М.С. Горячкина, на произведения, предшествующие истории города Глупова, в которых «Щедрин писал о том, что на «физиономии общества» иногда вскакивают гнусные прыщи, свидетельствующие о его гнилости, внутренней болезни» [1, с. 15]. Но правомерно ли относить к одному диапазону шкалы оценок мысль Щедрина и вывод Горячкиной?

Задавшись таким вопросом, усомнимся в достаточной обоснованности её умозаключения.

Помилуйте, скажут нам, сожрали ведь градоначальника Прыща, да и то абсурдно, что прыща сожрали. Какой же разумный человек будет это есть! Но выходит так, что надо было съесть. Мешал?! И понятно, почему мешал. Вполне вызывающим симпатии оказывается градоначальник Прыщ. Как-никак в отличие от своих коллег, показывал способность на понятном многообразным собеседникам языке изложить программу своих действий и выполнять её неуклонно, приятно общался с городскими властями и прочими знатными особами своего пола, принимал обеды и балы, охотился, «а однажды заполевал очень хорошенькую мешаночку». Похоже, что порокам вроде пьянства и безоглядного разврата не предавался, так как ни о чем подобном автор не писал. Ясно понимал Прыщ, что его политика «жить мирно» сулит обывателям практическую перспективу «благополучно в домах своих почивать». Не мешал даже производить навоз. Вот дал свободу! В итоге глуповцы стали жить-поживать, да добра наживать. Всеобщее изобилие достигло такой стадии, что у глуповцев приобретался досуг и способность мысли. Но, увы, «неокрепшие в самоуправлении, глуповцы начали приписывать это явление посредничеству какой-то неведомой силы». Начались фантастические домыслы, стали искать участие черта... (М.С. Горячкина тоже привнесла свою лепту в домыслы глуповцев, определив основную черту градоначальника Прыща как животность). Наконец, местный предводитель дворянства, «очутившись однажды с Прыщом *глаз на глаз* (подчеркнуто мною. – В.В.), решился», набросился на свою жертву. «На другой день глуповцы узнали, что у градоначальника их была фаршированная голова...Но никто не догадался, что благодаря именно этому обстоятельству город был доведен до такого благосостояния, которому подобного не представляли летописи с самого его основания» [3, с. 72-74].

Грустно и смешно, но ни один из отечественных критиков в пылу смехотворчества не вдумался в последнюю фразу Салтыкова-Щедрина. Ничего удивительного в распространённых интерпретациях нет и быть не может, поскольку как раз в наших традициях приятие абсурда облегчено. И не один раз в нашей истории было уже так, что сегодня был «градоначальник» (и даже больше!), а уже завтра мы узнавали, что у бывшего голова была нафаршированная. Обычно оказывалось так, что голова нафарширована была не теми идеями, что требовались нынешнему. Весьма поучительна в этом плане история падения очередного главы КПСС Н.С.Хрущёва в октябре 1964 года.

Русский классик, почтенный Михаил Евграфович, высмеивал многочисленные проявления единообразия, отмечая обычную простоту умопостроений «самых фантастических нивелляторов» из числа хотя бы эскадронных командиров. Как представляется возможным показать, ссылаясь на потрясающую прозорливость классика Салтыкова-Щедрина, «лишь в позднейшие времена (почти на наших глазах) мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления была возведена в довольно сложную и не изытую идеологических ухищрений административную теорию» [там же, 80]. Совсем не странно, что воплотилось это в абсурдность идей прямолинейной идеологии творцов социализма снизу. И не беда, что очередное обоснование состоялось в 1950 году, исполненное с привлечением ряда металлоёмких сноповязалок и молотилок. Ведь и председатель колхоза «Известия», что в Николаевской области, т. Тарабара видел единственно правильный путь в будущую счастливую жизнь в механизации сельского хозяйства (см.: «Правда» от 9 июня). Не лишне заметить здесь, что всю первую половину 1950 года газета «Правда» призывала колхозников добиваться нового поднятия урожайности полей на основе дальнейшего освоения травопольной системы земледелия и внедрения достижений мичуринской науки. Правда, несколько лет спустя в ходу были уже иные ценности и предпочтения агрономической науки, и в народе лихо распевались частушки типа:

Травопольная система,
До чего ж ты хороша,
В поле травки, да цветочки,
А в амбарах ни шиша!

Промотором новых идей в аграрном секторе явился в том году никто иной, как Н.С.Хрущёв. Именно ему принадлежит мысль том, что укрепление полеводческой бригады открывает широкий простор для применения крупной техники в колхозах. Впрочем, в арсенале изворотливого политика были и другие нивелляторские мысли в духе Угрюм-Бурчеева, аргументированные тем, что на мелких полях не могла развернуться тогдашняя «мощная» техника. Наконец, прозвучал самый убийственный аргумент: молотилка «МК-1100» для эффективной работы требует 26-30 пар рабочих рук, а в мелких хозяйствах часто наличествует 10-15 трудоспособных колхозников. Таковы были исторические реалии. Закончилась кровопролитная война, погибло много мужчин и работоспособного населения. Многие вынуждены были уйти в города на восстановление разрушенных предприятий и жилья. Проведенный экономический расчёт показал пропагандисту новой идеи, что в крупных колхозах, имеющих 300-400 гектаров пашни, показатели хозяйствования значительно выше, чем в мелких. В очередном выступлении Н.С. Хрущева сквозила мысль, что колхозники уже понимают преимущества крупного хозяйства, что многие из них выражают желание объединяться.

Но вот что любопытно во всём этом деле! Удивительные, с точки зрения момента, вещи пишет в газету секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) А.Кузанов буквально уже на следующий день. Потрясающе откровенен партийный секретарь! Всю-то механику, сам того не ведая, которая привела к принятию фундаментальных решений, чреватых

пагубными последствиями для сельского хозяйства и для страны в целом. Из этой статьи стало понятно, почему иные партработники столь настойчиво взывали к скорейшему укрупнению колхозов. Оказывается, и обком, и райкомы мало внимания доселе уделяли мелким колхозным парторганизациям, в ряде случаев даже искусственно сдерживая рост их числа из-за боязни излишних хлопот. Но там, где первичные парторганизации проявляют активность в деле организационно-хозяйственного укрупнения колхозов, – подчеркивает секретарь обкома, – там успех налицо. Колхоз «Червонный садок», возьмите к примеру. Обычный годовой доход колхоза 50 тысяч рублей. Но уже в прошлом 1949 году получили доход 250 тысяч рублей. Выдавать колхозникам стали на трудодень не только хлеб, но даже и масло, и мёд, и мясо! И подумать только, колхозникам на трудодень заплатили ещё и деньгами по 2 рубля 50 копеек! А уже в текущем году рассчитывают повысить доход до 500 тысяч рублей, а денежную оплату вдвое. Дивные дела можешь сотворить, парторганизация, если вспомнишь о колхознике! Потрясающие результаты получаются, если помнить о главном – о субъекте производства. Отвоевали как-то в отдельно взятом колхозе право на заработок, и за два года достигли успехов похлеще, чем в хозяйстве достопочтенного градоначальника Прыща, который, как мы помним, вовсе не вмешивался в дела сограждан-землепашцев. У того за два года добра у глуповцев приросло только четверо, а у этих вдесятеро! Управленческое решение с человеческим лицом и техника, хотя бы и слабая, позволяли в середине двадцатого столетия на тех же землях добиваться большего.

И вот, в ходе такого экскурса в сторону от русской классики я рискую вновь нарваться на нелюбимую критику взыскательного читателя. Раскаиваюсь. Само собой разумеется, не дело классика опускаться до такого скрупулезного, документированного изучения процедуры принятия управленческого решения или программы, если следовать языку его героя-градоначальника. Общая картина подобных процедур М.Е. Салтыкову-Щедрину была достаточно хорошо известна из многолетней практики на уровне бюрократической деятельности, в которую он был непосредственно включён с малыми перерывами с 1844 по 1868 год. Но ещё более длительный опыт наблюдения оной со стороны не прошёл для него даром. Поэтому он не мытарил бы героя необходимостью размышлений над какими-то там выкладками, экономическими обоснованиями, упоминаниями некоей среднестатистической сохи, трактора или даже вопля отечественного научно-технического прогресса, облечённого в рубленые формы «МК-1100».

Да, так вот, беда в том, что руководимые Коммунистической партией и отцом всех народов, деды и отцы наши не молотилки направляли в колхозы в соответствии с потребностями последних, а колхозы подгоняли под молотилки! Людей, и тех подгоняли под потребности молотилки! Страшная в этом деле оказалась цена унификаторских инициатив, опиравшихся на одну-две модели используемых в хозяйстве тракторов и иной далеко не современной техники. А в том же году иллюстрированные каталоги демонстрировали впечатляющую гамму американского, шведского и иного сельскохозяйственного инвентаря! Впрочем, что это изменит, если и сегодня нашему крестьянину недоступен ни минитрактор, ни... пристойная жизнь. А поэтому вполне естественно, что и судить некого, и что ни образцовых сельских поселений у нас не получилось, ни избытия.

Провидел великий сатирик и авторитетный мыслитель М.Е.Салтыков-Щедрин многое, ибо разрешение краеугольной проблемы отношения коммунистов, социалистов и нивелляторов вообще и сторонников самоуправления чаще осуществлялось в пользу первых. Эта неизбывная проблема утверждения индивидуального вообще, и индивидуальности в частности, была не менее актуальной и на заре строительства светлого царства труда в нашей стране, что очень ярко и образно выразил А.П.Платонов. Он хорошо знал, что как раз мучительные поиски жизненного пути порой приводят социалистически

ориентированных искателей правды жизни к большим социально-философским трудам. Ведь один из подобных трудов до последнего часа своей жизни писал т. Шмаков, герой «Города Градова». А назывался сей фундаментальный труд: «Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия». Труд был тяжкий в своей абсурдности и автор его, т. Шмаков, пал на поле правдоискания.

По этому поводу нельзя не вспомнить отчасти шутовское, а по первому впечатлению и глубоко патриотическое повествование Н.С.Лескова о Левше. Уж до чего, казалось бы, живой и привлекательный образ лесковского Левши существует в обыденном представлении, да и тот не совсем удачный с точки зрения превознесения наших добродетелей и способностей. Достаточно взглянуть, с позиции здравого смысла, на действия, которые творит Левша. Вместе сотоварищи взяли да и подковали английскую блоху, на каждой подковке имя мастера было выставлено, а читаемо имя при увеличении в пять миллионов раз! Здесь не остаётся ничего иного, как восторгаться тем, что все уже тогда работали на грани возможностей современного электронного микроскопа, а выражаясь тогдашним штилем, на уровне чудес Псалтыря и Полусонника. Да правда в том, что закончилось всё весьма неудовлетворительно для умельцев. Практически – блоха перестала скакать. Теоретически – выволочкой от англичан: «Лучше бы, если бы вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали... Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть» [2, с. 472].

Смешно!/?

Таким образом, художник, моделирующий смысл слова, может включить в состав изображения любое, даже мимолётное явление реальности, поэтому лексика изобразительного языка кажется необъятной по охвату явлений реальности. За этой кажимостью стоит внутреннее «Я» субъекта, определяющее и естественный смысл слов, и структуру имеющих к ней отношение явлений наблюдаемой реальности. И словесный и изобразительный языки в равной мере пригодны для отображения противоречий господствующего образа жизни. В результате получается так, что дух языка, оказавший глубокое воздействие на поиски образов писателем, художником, композитором и другими деятелями искусства, возвращается через произведенные ими новые образы в свой родной язык. Поэтому, чем интенсивнее духовная жизнь общества, тем подвижнее язык, тем больше в него привносится изменений, фиксирующих развитие культуры народа.

А смеяться или плакать, это уже дело конкретного человека, живущего в конкретных социально-исторических условиях. Понятно, впрочем, что над одним и тем же явлением сегодня смеются одни, а завтра будут смеяться другие, внимая стенаниям первых по причине несостоявшихся ожиданий. Ещё лучше, если смеются не злорадствуя, а снисходя к заблудшим по невежеству. Свою историю знать полезно. Удивительна жизнь, если посмотреть на неё чуть-чуть отстранившись от повседневности!

1. Горячкина М.С. М.Е. Салтыков-Щедрин//Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные произведения. – М., 1976. – С.3-26.
2. Лесков Н.С. Повести и рассказы. – М., 1981.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные произведения. –М., 1976.